

РАЗЯЩЕЕ СЛОВО ХЕМИНГУЭЯ

ЭТА работа среди прочего хороша тем, что разбивает штампы наших представлений о писателе.

В концертном зале «Поэзия», новом, прекрасном начинании, в рекордный срок завоевавшем популярность, Анна Пирятинская читает «Иметь и не иметь» (режиссеры Р. Иоффе и В. Канцель).

Впрочем, читает — в данном случае глагол неточный. «Иметь и не иметь» — спектакль, сыгранный одной актрисой. С энергичной внутренней драматургией. С завязкой, кульминацией и развязкой. С элементами оформления, музыкой. С удачно найденным обликом исполнительницы.

На сцене — женщина в коричневой униформе (куртка, брюки, сапожки) и яркой терракотовой блузе под ней. Выбор цветов не случаен, как не случаен и огненно-желтый экран, на котором в виде заставки проступает одно только слово: «Флорида» — это краски юга, его выжженность, знойность. У женщины — короткая стрижка, открытое, мужественное лицо, низкий, богатый оттенками голос, влажные, блестящие глаза. Поворот всем корпусом к экрану и следующий за тем удар гонга отсе-

кают эпизод от эпизода, одну эмоциональную волну от другой. Со временем этот прием станет ненужным — его заменят мгновенные внутренние переключения, настолько рельефные у актрисы, что артист не пугается в адресах. Втянутый в нервный, пульсирующий ритм повествования, он внимает судьбам героев и вместе с Пирятинской сопереживает им.

Однако это происходит не сразу. У меня лично на первых порах возникло стойкое сопротивление той манере, которую избрала актриса. Ведь Хемингуэй, думала я, — это сдержанность, лаконизм языка, наружный покой при внутреннем напряжении, пресловутые девять десятых под водой. А тут — открытые, расплеченные страсти, густая и терпкая речь, экспрессивный жест, и мизансцены резкие, пластичные (диву даешься, насколько они разнообразны на сцене, где всего две табуретки, одна из которых во втором отделении затянута траурным крепом).

Но, смело вступив в единоборство с расхожим, хрестоматийным ощущением стиля писателя, Пирятинская убеждает в своей правоте. Постепенно начинаешь сознавать, что «Иметь и не иметь» — это не «белые слоны»

и не «Фиеста». Это беспощадно жестокая, обнаженная вещь, все пространство которой усеяно трупами. Не до сдержанности, когда люди стреляют друг другу в живот и на дне лодки смешивается их кровь, плескаясь, как вода в проливе. Не до сдержанности, когда преступление наказывается на преступление и все кругом искажено, уродливо; чудовищная ненормальность этого мира буквально вопиет о себе.

В спектакле — ясная идея; его социальный смысл глубок. Общественное устройство, при котором одни имеют все, а другие всего лишены, уничтожает самую возможность человеческого счастья. Гарри Морган — в тушике, в ловушке; он вынужден браться за заведомо грязное дело, чтобы как-то прокормить семью. Но и благоденствие имущих призрачно: делание денег растлевает души, пустоту жизни не залешь вином и иллюзиями. Разобщенность, отчаяние, крик одиночества — вот удел героев романа. Выход? На него смутно нагадывается Гарри в предсмертный час: бесполезно на свой страх и риск сражаться с тем, что складывалось веками; «человек один не может ни черта». «Потребовалось очень много времени, чтобы он вы-

говорил это, и потребовалась вся его жизнь, чтобы он понял это», — сочувственно, скорбно произносит Пирятинская...

А. Пирятинская в каждой мгновенной зарисовке становится на путь перевоплощения и делает это как актриса, а не как мастер художественного слова. Немногословный, сильный, нежный Гарри. Затюканный вечной нуждой и потому жалкий Элберт. Златовласая Мария — красавица в глазах Гарри, расплывшаяся, обрюзгая баба — в глазах всех. Опухший, вечно пьяный писатель Гордон. Его несчастная, лишенная радости материнства жена. Хлебный маклер, донесший к порогу вечности «впалую старческую грудь, вздутый животик, дряблые ножки и то, ныне бесполезное, чем он так когда-то гордился». Наконец, сумасшедший Спелмэн — единственный счастливцев в этом море задраленности и тоски.

Не все в этих портретах равномерно, да и трудно требовать от актрисы ровной игры в спектакле, исполняемом от случая к случаю. Важно другое: Пирятинская заставила нас почувствовать мощь разума, гнев Хемингуэя. Это одно делает работу значительной.

З. ВЛАДИМИРОВА.

Соб. музей театра, 1966, 3 фрейл.